АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ

ВЫПУСК
11

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва—1957

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Л. С. ГАПОНЕНКО (отв. редактор), И. У. БУДОВНИЦ, М. Я. ГЕФТЕР, Р. П. ДАДЫКИН (отв. секретарь), Н. А. ЕРОФЕЕВ, А. П. МОЛЧАНОВА, А. С. НИФОНТОВ, Н. И. САМОРУКОВ, Г. Н. СЕВАСТЬЯНОВ, В. Л. ЛОГИНОВА (секретарь)

СОДЕРЖАНИЕ

Доклады

Н. М. Дружинин. Государственная деревня центрального промышленного района в 40—50-х годах XIX в. 3

Н. Курашова, Д. Колесниченко. Обсуждение доклада академика Н. М. Дружинина 25

Н. И. Казаков. Борьба декабриста А. П. Юшневского за права и привилегии болгарских переселенцев в Бессарабии в 1816—1817 гг. 31

Сообщения

Е. А. Луцкий. Всероссийский съезд земельных комитетов в январе 1918 г. . . 57

С. М. Кляцкин. Из истории организации производства вооружения, боеприпасов и боевого снабжения Красной Армии в 1918—1920 гг. 72

М. М. Обсуждение вопросов историографии в секторе истории Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны 91

П. Ткаченко. О распространении марксистской литературы московскими студенческими кружками в 90-х годах XIX в. 102

Жорж Буржен (Georges Bourgin). Репрессии после июньских дней (La répression des journées de juin) 109

В. В. Фарсобин. Защита докторской диссертации 119

Доклады и сообщения Института истории, вып. 11

*

Утверждено к печати Институтом истории Академии наук СССР

*

Редактор издательства *З. М. Евсенина* Технический редактор *Г. Н. Шевченко*

*

РИСО АН СССР № 31-74В. Сдано в набор 3/X 1956 г. Подписано в печать 29/I 1957 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. Печ. л. 7,75=10,61. Уч.-изд. лист 10,8 Тираж 2000. Изд. № 2175. Тип. зак. 3189 Т-00035

Цена 6 р. 50 к.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-64, Подсосенский пер., д. 21

2-я типография Издательства АН СССР. Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 10

ДОКЛАДЫ

А. А. Матюгин

ИСТОЧНИКИ ПОПОЛНЕНИЯ СОСТАВА ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ СССР В ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД (1921—1925 гг.)

Одним из существенных вопросов при изучении процессов роста и формирования советского рабочего класса является вопрос об источниках его пополнения. В нашей стране рабочий класс выступает не только в качестве основной силы общественного производства, но также и в качестве руководящего класса в государственном строительстве. Под его освободительным знаменем советский народ осуществил революционное преобразование капиталистического общества в общество социалистическое. В процессе своей преобразовательной деятельности, под влиянием новых общественных условий рабочий класс изменялся и сам.

По мере развития промышленности и других отраслей народного хозяйства увеличивалась численность пролетариата, претерпевала глубокие изменения его внутренняя структура.

В годы восстановительного периода на заводы и фабрики, в городское хозяйство и на строительство, на транспорт и в органы связи вливались все новые и новые пополнения из рабочей молодежи, впервые пришедшей на производство, а также из крестьян, кустарей, служащих и т. д. Изменялось соотношение различных прослоек внутри рабочего класса, изменялись его идейный облик, психология, традиции и, что особенно важно, изменялось отношение рабочих масс к труду. Новые пополнения постепенно увеличивали удельный вес рабочего класса в общей массе населения страны, усиливали его экономическую и политическую мощь, способствовали укреплению диктатуры пролетариата.

В дореволюционной России пополнение рядов пролетариата происходило стихийно. К услугам капиталистов всегда имелась многочисленная резервная армия безработных. У ворот фабрик и заводов, особенно во время экономических кризисов, всегда был избыток рабочих людей, искавших заработков. Гонимые голодом и нуждой, тысячи и десятки тысяч трудоспособных мужчин и женщин, находившихся в расцвете сил, бродили по дорогам Российской империи в поисках работы и хлеба.

Крупное капиталистическое хозяйство само создавало себе рынок дешевой рабочей силы, разоряя мелких крестьян и кустарей, мелких торговцев и промышленников. Среди сельского населения происходило классовое расслоение, деревня раскрестьянивалась. Группа середняков систематически уменьшалась, вымывалась. Развивались две крайние социальные прослойки крестьянства: с одной стороны, сельская буржуазия — кула-

чество и, с другой стороны, деревенская беднота, сельский пролетариат, являвшийся, по определению В. И. Ленина, классом наемных рабочих с наделом [1]. Процесс разорения трудового крестьянства в царской России из десятилетия в десятилетие усиливался и в начале XX столетия представлял собой подлинное бедствие. Накануне первой мировой войны в России насчитывалось около 15 млн. крестьянских хозяйств, в том числе около 10 млн. дворов бедноты, около 3 млн. средних крестьян и 2 млн. кулаков [2]. Вследствие господства отсталых социально-экономических отношений в деревне образовалось аграрное перенаселение. Ни буржуазия, ни царская правительственная клика не могли его уничтожить, да и не стремились к этому.

От аграрного перенаселения больше всего страдали полупролетарские слои крестьянства. Ничтожный размер хозяйства не обеспечивал бедняку существование. Многочисленная армия бедняков, не имея возможности прокормиться в деревне, стремилась уйти из нее «куда глаза глядят», лишь бы не умереть с голода. Именно деревенская беднота выделяла из своей среды больше всего отходников, поставляла на рынок труда промышленных центров свою рабочую силу. По вычислениям В. И. Ленина, в конце XIX столетия армия отходников насчитывала более 6 млн. человек [3], а накануне первой мировой войны их было значительно больше. Часть их постепенно утрачивала связь с сельским хозяйством и вступала в ряды промышленного населения.

Деревня была главным источником пополнения и формирования пролетариата. В. И. Ленин, опираясь на труды К. Маркса, вывел закон роста индустриального населения на счет земледельческого. В основе этого закона лежит то обстоятельство, что в промышленности переменный капитал абсолютно возрастает, а в земледелии переменный капитал, требуемый для обработки данного участка земли, абсолютно уменьшается [4]. Но из этого закона отнюдь не следует, что для пополнения рядов фабрично-заводского пролетариата не было других источников, кроме деревни. Рабочий класс пополнялся также выходцами из среды мелкой городской буржуазии и служащих.

Под напором крупного капитала в промышленных центрах царской России разорялись и превращались в безработных, нищих и бездомных бродяг ремесленники, кустари, мелкие торговцы и мелкие служащие. Они также нуждались в работе и стремились найти ее любыми средствами. Приток рабочих в промышленность постепенно усиливался также за счет жен и детей рабочих.

Движение рабочей силы из деревни в город, из одной отрасли народного хозяйства в другую в царской России происходило стихийно. Не было учреждений, которые учитывали бы безработных и содействовали им в поисках работы. Никакой заботы о распределении рабочей силы, о повышении квалификации рабочих, о подготовке новых кадров царское правительство и буржуазия не брали на себя. Процессу расширенного воспроизводства рабочей силы в условиях капиталистической России сопутствовал процесс все большего обнищания трудящихся.

Буржуазное общество не могло и не может обеспечить все наличное трудящееся население работой, так как целью производства в этом обществе является не забота о благе трудящихся, а извлечение прибыли, обогащение тунеядцев.

Капиталисту нет выгоды обеспечивать работой всех трудящихся, наоборот, ему выгодно, если не все рабочие имеют работу, если крестьяне

---

[1] См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 145.
[2] См. В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 39.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 502.
[4] См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 18, 493.

разоряются и пополняют ряды безработных. Чем больше армия безработных, тем выше норма эксплуатации и, следовательно, выше прибыль предпринимателей. Нищая, разоряющаяся деревня, мелкие, живущие под гнетом нужды, ремесленники и кустари, не выдержавшие конкуренции и обанкротившиеся мелкие торговцы — все это источники дешевой рабочей силы для крупных капиталистов, источники обогащения монополистической буржуазии.

Революционное пролетарское требование «права на труд» в буржуазном обществе остается неосуществимым и не может быть проведено в жизнь до тех пор, пока не будет уничтожен общественный строй, основанный на частной собственности и эксплуатации человека человеком. При господстве буржуазии действует сформулированный К. Марксом закон относительного перенаселения, заключающийся в том, что параллельно с накоплением капитала, общественного богатства все возрастающая часть рабочего населения, как в городе, так и в деревне, оказывается избыточной, выталкивается из производства и обрекается на муки нищеты и голода. «...Рабочее население, производя накопление капитала,— писал К. Маркс,— тем самым в возрастающих размерах само производит средства, которые делают его относительно избыточным населением»[5].

Благодаря господству класса капиталистов земной шар оказывается относительно перенаселенным, и значительная часть трудящихся вынуждена в условиях буржуазного строя влачить жалкое существование безработных и нищих, лишенных средств к жизни.

Великая Октябрьская социалистическая революция внесла коренные изменения в условия развития пролетариата России. Пролетариат нашей страны перестал быть угнетенным и эксплуатируемым классом и превратился в руководителя общества, в организатора трудящихся масс, строящих коммунизм. Став господствующим классом, пролетариат сразу же уничтожил буржуазные производственные отношения в промышленности и вместо них установил социалистические производственные отношения. Крупное машинное производство призвано было реорганизовать все народное хозяйство на базе высшей техники, обеспечить подъем производительности общественного труда на высшую по сравнению с капитализмом ступень, повышение жизненного уровня народных масс, уничтожение эксплуатации человека человеком, осуществление всеобщей занятости населения.

Великая Октябрьская социалистическая революция коренным образом изменила также и положение трудового крестьянства.

26 октября 1917 г. II Всероссийский съезд советов отменил помещичью собственность на землю и объявил национализацию всей земли. В результате осуществления этого революционного аграрного закона крестьяне России без всякого выкупа получили 150 млн. дес. помещичьей, удельной, церковной и монастырской земли. Крестьянство было освобождено от арендной платы помещикам и платежей за землю. Многие ранее безземельные крестьяне и батраки получили землю, семена и сельскохозяйственный инвентарь. Большое значение для улучшения материального положения трудящегося крестьянства и батрачества имела деятельность комбедов. Комитеты деревенской бедноты подорвали экономическую мощь сельской буржуазии. Они произвели передел помещичьих имений, отобрали у кулаков излишки земли, скота и сельскохозяйственных орудий и передали все это деревенской бедноте и маломощным середнякам.

В результате аграрной революции изменилось соотношение отдельных социальных групп внутри крестьянства. В первые же годы советской

---

[5] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1953, стр. 637.

власти сократилось количество беспосевных, бескоровных и безлошадных крестьян. Крайние группы крестьянства уменьшились. Центральной фигурой советской деревни стал середняк. В апреле 1919 г. В. И. Ленин писал: «Среднее крестьянство — это самый крупный слой, который увеличился после нашей революции благодаря тому, что мы уничтожили помещичью частную собственность на землю» [6].

Факт осереднячивания деревни позднее был отмечен в резолюции XIV съезда партии по отчету Центрального Комитета. «Нельзя ни на одну минуту забывать,— говорилось там,— что в результате уничтожения помещичьего землевладения и перехода помещичьих земель в руки крестьянства, в результате политики комбедов и раскулачивания в деревне, наконец, ввиду изъятия земли из товарооборота (национализация земли) середняцкие слои крестьянства чрезвычайно усилились и что эти слои составляют теперь, несмотря на процесс дифференциации, основную массу крестьянства» [7].

В некоторых отношениях крестьянство получило от социалистической революции даже больше, чем рабочие. «Пролетариат руководил крестьянством и так руководил им,— писал В. И. Ленин,— что во время гражданской войны крестьянство получило больше экономических выгод, чем тот же пролетариат» [8]. Промышленные рабочие во время войны питались хуже, чем сельское население. В 1918 и 1919 гг. рабочие потребляющих губерний получали по 7 пудов хлеба в год, а крестьяне производящих губерний потребляли 17 пудов. При царском строе те же крестьяне потребляли в год по 16 пудов. В разоренной стране, добившейся советской власти, крестьяне питались лучше, чем сотни лет до этого в царской, капиталистической России, отмечал Ленин [9].

Октябрьская революция, уничтожив помещичье землевладение, открыла широкий путь для мощного подъема сельского хозяйства страны. Партия и правительство прилагали все силы к тому, чтобы обеспечить этот подъем. Как только закончилась гражданская война, советская власть перешла к новой экономической политике, которая обеспечивала быстрое развитие производительных сил и прочный союз рабочих и крестьян в борьбе за построение социализма. Продразверстка была заменена продовольственным, а затем единым сельскохозяйственным налогом.

Налоги на крестьянство в 1924—1925 гг., по сравнению с 1912 г., составляли всего лишь 44% [10]. С переходом к нэпу крестьяне получили возможность продавать излишки продуктов. Рост внутреннего рынка, при помощи которого главным образом осуществлялась экономическая связь между промышленностью и сельским хозяйством, выражал собой не процесс разорения деревни, как это свойственно капитализму, а неуклонный подъем ее благосостояния.

Советское правительство систематически помогало маломощному крестьянству дешевым кредитом, семенами, сельскохозяйственными орудиями. Значительная часть деревенской бедноты была полностью освобождена от налогов. Вместе с тем Советское государство путем дополнительного налогового обложения кулачества ограничивало эксплуататорские устремления сельской буржуазии.

Благодаря новой экономической политике советского правительства

---

[6] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 240.

[7] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов», ч. II, Госполитиздат, 1953, стр. 78.

[8] В. И. Ленин. Соч. т. 32, стр. 396—397.

[9] См. В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 429.

[10] «Четырнадцатая конференция Российской коммунистической партии (б). Стенографический отчет», М.— Л., 1925, стр. 60.

материальное положение основной массы крестьянства постепенно улучшалось. Посевные площади и сбор хлеба из года в год увеличивались.

В результате правильной политики коммунистической партии и советской власти по отношению к крестьянству в деревне по сравнению с дореволюционным периодом уменьшилось избыточное население. Однако тяжелое наследие буржуазно-помещичьего строя — скрытую безработицу в сельских местностях нельзя было быстро ликвидировать.

После победы Октябрьской революции наша страна в течение некоторого времени еще продолжала оставаться аграрной, отсталой в технико-экономическом отношении страной. В народном хозяйстве имелось пять экономических укладов. Господствующим укладом являлось мелкотоварное крестьянское хозяйство, в котором была занята подавляющая часть населения страны. Здесь благодаря отсталым социально-экономическим отношениям еще в дореволюционный период накопились огромные избыточные трудовые ресурсы. Вполне естественно, что при осуществлении ленинской программы индустриализации страны земледельческое население должно было стать основным источником пополнения рабочего класса. Закон численного роста индустриального населения за счет земледельческого оставался в силе и в советском обществе. Этот закон, вытекающий из общественного разделения труда, присущ, как указывал В. И. Ленин, всякому товарному хозяйству [11].

Однако в советском обществе действие этого закона определялось новыми историческими условиями. При капитализме промышленное население растет за счет сельского путем разорения и пауперизации крестьянства. Совершенно иначе происходит в обществе, в котором свергнута власть помещиков и капиталистов. Здесь рост городского промышленного населения происходит не за счет разорения трудового крестьянства, которое кооперируется, а за счет резервов труда, накопившихся еще в предшествующее время, а также за счет естественного прироста населения.

Советский общественный и государственный строй, развитие социалистических производственных отношений обеспечивали ликвидацию безработицы во всех ее формах. Закон народонаселения, свойственный капиталистическому обществу, должен был постепенно уступить место закону народонаселения общества социалистического, который означает непрерывный рост населения, сокращение заболеваемости и смертности, систематическое повышение жизненного уровня народных масс и всеобщую занятость трудящихся.

Решение этой задачи в нашей стране растянулось на ряд лет. Иначе и быть не могло: пока экономика страны оставалась многоукладной, пока не была ликвидирована хозяйственная разруха, Советское государство не имело возможности осуществить всеобщую занятость населения. Оно не имело возможности даже регулировать и планомерно распределять трудовые ресурсы в рамках всего народного хозяйства. Вплоть до полной ликвидации многоукладности в экономике СССР, до утверждения колхозного строя промышленность снабжалась рабочей силой преимущественно самотеком.

Следует, однако, иметь в виду, что каждый этап социалистического строительства имел свои особенности в отношении источников пополнения рабочего класса и методов распределения рабочей силы.

Исключительное своеобразие в распределении трудовых ресурсов представляли годы гражданской войны и иностранной интервенции (1918—1920). Рабочие крупной промышленности приняли на свои плечи

---

[11] См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 45.

нечеловечески трудную задачу — организацию отпора нашествию многочисленных армий интервентов и белогвардейцев. Лучшие, квалифицированные рабочие кадры, наиболее закаленные в классовой борьбе и поэтому наиболее сознательные, взялись за винтовки и добровольно влились в ряды Красной Армии и продовольственных отрядов. Значительную часть передовых рабочих партия направила на работу по управлению Советским государством. Известная часть городских рабочих рассеялась, распылилась и деклассировалась.

Как уже отмечалось выше, в эти годы в материальном отношении сельское население жило лучше, чем городские рабочие. Этим объясняется то, что в период гражданской войны имел место отлив городского населения в деревню. Гонимые голодом, в деревню возвращались рабочие, имевшие там свое хозяйство, уходили и кадровые рабочие, которые хотя и не имели связи с сельским хозяйством, но надеялись прокормиться там путем кустарничества. Стихийный приток рабочих из сельских местностей в город почти полностью прекратился. В самом деле, какой мог быть приток рабочих из деревни, если значительная часть заводов и фабрик стояла, строительные работы прекратились, торговля замерла, рабочие, оставшиеся в городах, голодали и испытывали массу других трудностей. Вполне естественно поэтому, что в те годы был пониженный прилив новых рабочих в промышленность. По данным выборочной профсоюзной переписи 1929 г., из общего числа учтенных рабочих, занятых в металлопромышленности, начали работать до 1905 г. 19,7%, в 1906—1913 гг. — 16,5%, в 1914—1917 гг.— 12,7%; в 1918—1921 гг.— 10,5%, в 1922 — 1925 гг.— 20,7% [12]. Как видно из этих цифр, наименьший приток новых рабочих в промышленность имел место в годы гражданской войны. Особенно резкое сокращение притока новых рабочих в это время наблюдалось в хлопчатобумажной промышленности.

Крупная промышленность и другие неземледельческие отрасли народного хозяйства в эти годы испытывали острый недостаток рабочих рук. Вследствие отлива индустриального населения в армию, в деревню, в другие отрасли народного хозяйства численность рабочих в крупной промышленности уменьшилась с 2608 тыс. в 1917 г. до 1347 тыс. человек в 1920 г. [13] Распыление индустриальных рабочих создавало угрозу полной остановки заводов и фабрик. Для предупреждения этой угрозы правительство ввело централизованное распределение рабочей силы — трудовые мобилизации и всеобщую трудовую повинность. Рабочие транспорта и некоторых отраслей промышленности считались мобилизованными.

В годы гражданской войны распределение рабочей силы, как и вся деятельность советской власти, было подчинено задаче разгрома интервентов и белогвардейцев. Биржи труда были реорганизованы. Отдел рынка труда Наркомтруда РСФСР был переименован в Отдел учета и распределения рабочей силы, ведавший трудовыми ресурсами в масштабе всей республики. При отделах труда губисполкомов и уисполкомов были организованы подотделы учета и распределения рабочей силы, вся работа которых была направлена главным образом на привлечение к труду в промышленности и на транспорте рабочих, осевших в деревне. Главный комитет по всеобщей трудовой повинности, созданный в феврале 1920 г., проводил мобилизации рабочих, в том числе рабочих, переселившихся в деревню. Спрос на рабочую силу был так велик, что потребовалась трудовая мобилизация через военные органы граждан, родившихся в 1886, 1887 и 1888 гг. Эта мобилизация, проведенная в конце 1920— начале 1921 г., дала народному хозяйству 141 533 рабочих [14].

[12] «Перепись рабочих и служащих 1929 г.», т. I. Металлисты СССР, М., 1930, стр. 9.
[13] Г. М. Кржижановский. Десять лет хозяйственного строительства СССР. М., 1928, стр. 124.
[14] «Бюллетень трудового фронта», 1921, № 17, стр. 6.

Для привлечения рабочей силы в промышленность применялся также метод вербовки. Предприятия и учреждения, нуждавшиеся в рабочих кадрах, рассылали на места своих агентов, которые и подбирали рабочих. Летом 1920 г. таким способом было привлечено на торфоразработки около 65 тыс. человек [15]. Всего за 1920 г. Наркомтруд направил на работу 963 436 человек [16].

Таким образом, и в годы гражданской войны рабочий класс получал некоторые пополнения, без которых не могли бы действовать ни промышленность, ни транспорт.

Ценные сведения об источниках пополнения рабочего класса в годы войны дает выборочная профсоюзная перепись 1929 г. Приведем некоторые данные этой переписи по хлопчатобумажной промышленности.

Из общего числа учтенных переписью рабочих, поступивших на производство в 1918—1921 гг., в Ленинграде было: рабочих — 62,1%, крестьян — 30,2%, служащих — 4,8%, кустарей, торговцев и прочих — 2,9%; в Москве: рабочих — 55,9%, крестьян — 40,7%, служащих — 1,8%, кустарей, торговцев и прочих — 1,6% [17]. Как видно из этих данных, первое место в пополнении рядов пролетариата в это время занимал город. Отсюда, из города на фабрики и заводы шли жены и дети рабочих, а также бывшие служащие, кустари, бывшие торговцы и прочие. Роль деревни в пополнении рядов рабочего класса в годы гражданской войны была значительной. Наблюдался большой наплыв крестьян из окружающих селений на предприятия, расположенные в сельской местности.

К концу гражданской войны все острее вставали вопросы хозяйственного строительства и все сильнее в промышленности ощущался недостаток рабочих рук. «Потребность в рабочей силе для важнейших отраслей промышленности крайне велика»,— отмечал ЦК РКП(б) в октябре 1920 г. в своем циркуляре «О предстоящих трудмобилизациях» [18].

К началу восстановительного периода численность промышленных рабочих составляла около 48% по сравнению с 1913 г. Крупнейшие заводы страны, особенно военные, испытывали огромные трудности из-за недостатка рабочей силы. Следует также учесть, что уровень квалификации рабочих, занятых в крупной промышленности, за время войны значительно понизился. Немалую часть фабрично-заводского пролетариата составляли женщины, подростки и малоквалифицированные выходцы из мелкой буржуазии. Это обстоятельство еще более ухудшало положение с рабочей силой. В источниках того времени, в частности в периодической печати, недостаток квалифицированной рабочей силы характеризовался как большое бедствие для промышленности и других неземледельческих отраслей народного хозяйства. Такое ослабление основной производительной силы и руководящего класса в обществе было чревато большой опасностью для советской власти, оно было на руку врагам пролетарской диктатуры, которые стремились использовать его в своих контрреволюционных целях. Поэтому партия и правительство стремились поскорее укрепить ряды рабочего класса, вернуть в промышленность кадровых рабочих из Красной Армии, из деревни, из других отраслей народного хозяйства и привлечь на производство новые пополнения.

Первое время после перехода к новой экономической политике, точнее на протяжении всего 1921 г., борьба с нехваткой квалифицированных рабочих проводилась, как и в годы военного коммунизма, преимущественно при помощи трудовых мобилизаций. Перед Наркомтрудом была поставле-

---

[15] «Известия Главкомтруда и Наркомтруда», 1920, № 7, стр. 15.
[16] «Бюллетень трудового фронта», 1921, № 17, стр. 5.
[17] А. Р а ш и н. Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. М., 1930, стр. 19.
[18] «Известия ЦК РКП (б)», № 24, 12 октября 1920 г., стр. 10.

на задача извлечь из деревни максимальное количество осевших там квалифицированных фабрично-заводских рабочих [19].

5 января 1921 г. Совет Труда и Обороны вынес постановление о мобилизации граждан, работавших ранее на заводах электротехнической промышленности. 23 марта СТО постановил провести мобилизацию горнорабочих. 25 мая были мобилизованы работники полиграфического производства. 15 июня СТО принял постановление о мобилизации квалифицированных рабочих, мастеров, чертежников, инженеров по сельскохозяйственному машиностроению. Проведены были трудовые мобилизации рабочих для водного транспорта, сплавных работ, горного дела и рыбной промышленности [20]. Значительное пополнение рабочей силы промышленность получила из воинских частей. На основании постановления VIII Всероссийского съезда Советов правительство проводило демобилизацию вооруженных сил. Но проводилась она сравнительно медленно, так как транспорт, находившийся в состоянии разрухи, плохо справлялся с перевозкой демобилизованных. Поэтому для ускорения снабжения предприятий рабочей силой отозвание рабочих из армии производилось на основе специальных постановлений СТО. 6 апреля 1921 г. Председатель Совета Труда и Обороны В. И. Ленин подписал следующее постановление:

«Ввиду острой нужды в чернорабочей силе, ощущаемой Сормовским, Брянским, Коломенским заводами и заводами Приокского горного округа «Гомзы», для выполнения ими транспортных и военных заданий Республики Совет Труда и Обороны постановил: откомандировать из Красной Армии 1500 человек Сормовскому заводу, 700 — Брянскому, 500 — Коломенскому, 300 — заводам Приокского горного округа из числа красноармейцев не моложе родившихся в 1894 г.» [21].

25 апреля Совет Труда и Обороны предложил Реввоенсовету республики выделить из войсковых частей до 18 тыс. рабочих для работы на рыбных промыслах. 11 мая 1921 г. СТО постановил возвратить из рядов Красной Армии рабочих и специалистов, ранее служивших на водном транспорте [22].

В мае 1921 г. на основании постановления Совета Труда и Обороны в ведение НКТ были переданы трудовые армии численностью в 179 607 человек [23]. Трудовые армии сохраняли свою военную организацию (полки, батальоны, роты) и связанную с ней дисциплину и внутренний порядок. Во время работы трудармейцы исполняли указания технических руководителей и соблюдали установленную в данном предприятии или учреждении систему работы [24].

Однако привлечение рабочих в промышленность путем трудовых мобилизаций уже не соответствовало новым историческим условиям. Этот способ противоречил новой экономической политике. Принудительное распределение рабочей силы, сыгравшее в 1918—1920 гг. положительную роль, теперь уже не отвечало интересам социалистического строительства.

В соответствии с новыми задачами, вставшими перед Советской страной в годы нэпа, партия и правительство перестроили управление промышленностью и организацию труда на фабриках и заводах. По-новому был поставлен вопрос о снабжении народного хозяйства рабочей силой. Военно-коммунистические методы мобилизации трудовых ресурсов были упразднены. Уже в марте 1921 г. были ликвидированы Главный и местные комитеты по всеобщей трудовой повинности. В начале апреля 1921 г.

---

[19] «Известия ЦК РКП(б)», № 22, 15 сентября 1920 г., стр. 3.
[20] ЦГАОР, ф. 382, оп. 4, д. 654, лл. 56—57.
[21] ЦГАОР, ф. 130, оп. 5, д. 386, л. 30.
[22] «Бюллетень трудового фронта», 1921, № 12, стр. 4.
[23] ЦГАОР, ф. 382, оп. 4, д. 629, л. 26.
[24] Там же, л. 31.

Совнарком РСФСР издал декрет «Об установлении облегченного перехода рабочих и служащих из одного предприятия в другое» [25]. 25 апреля Совет Труда и Обороны принял постановление о «Роспуске граждан, родившихся в 1886, 1887 и 1888 годах, призванных по трудовой мобилизации» [26].

Однако все эти мероприятия не означали еще отмены трудовой повинности и трудовых мобилизаций. Они являлись лишь первым шагом на пути перестройки методов распределения трудовых ресурсов. Переход от принудительных методов распределения трудовых ресурсов к добровольному найму осуществлялся не сразу, а постепенно, по мере изменения экономических условий.

1921 год являлся переломным не только в отношении общих экономических процессов, но также и в отношении организации труда. Совещание народных комиссаров труда и представителей трудовых армий, состоявшееся 21—25 апреля 1921 г., высказалось за сочетание «методов принудительных мобилизаций с максимально возможным применением методов добровольного привлечения и распределения рабочей силы» [27]. Для снабжения народного хозяйства рабочей силой одновременно с трудовыми мобилизациями Наркомтруд начал применять метод вербовки рабочих на местах. Методом вербовки проводилось снабжение рабочей силой Донецкого бассейна, рыбных промыслов, торфяной промышленности, лесозаготовок, работ по очистке и ремонту железнодорожных путей. С июня по декабрь 1921 г. было завербовано и переброшено к месту работы 247 187 человек, среди которых преобладали строители, рабочие, чернорабочие [28].

Резкий перелом в развитии методов снабжения народного хозяйства рабочей силой произошел в конце 1921 и начале 1922 г. Следует подчеркнуть, что в это время проходила демобилизация армии. С 1 января 1921 г. по 1 января 1922 г. к мирному труду из рядов вооруженных сил вернулось более 2,5 млн. человек [29]. Промышленность переживала процесс концентрации. Вместе с тем шло сокращение неквалифицированной рабочей силы, занятой на предприятиях. В советских учреждениях проводилось сокращение штатов. Все эти обстоятельства вели к временному сокращению спроса на рабочие руки и образованию излишней рабочей силы. Уже в августе 1921 г. во многих городах появились безработные. Приведем несколько цифр, подтверждающих сказанное. В январе 1921 г. на 100 предложений труда приходилось 276,4 места, в феврале — 185,5, в марте — 203,5, в апреле — 164,5, в мае — 217,2, в июне — 146,9, в июле — 152,3, в августе — 104,4, в сентябре — 92,9, в октябре — 93,3, в ноябре — 87,7, в декабре — 78,9 [30]. Таким образом, в августе 1921 г. между спросом и предложением труда установилось равновесие, а в сентябре предложение превысило спрос. С этого времени и следует считать появление и постепенное нарастание безработицы в стране в восстановительный период. К осени 1921 г. в стране образовался рынок труда, к регулированию которого и должно было приступить Советское государство.

Вполне понятно, что осуществлять трудовую повинность и трудовые мобилизации в условиях роста безработицы было не только не нужно, но и вредно. Сама жизнь требовала изменения методов распределения трудовых ресурсов. Поэтому IV сессия ВЦИК 5 октября 1921 г. дала указание о необходимости постепенного перехода «к методам добровольного привлечения рабочей силы» [31], на основании которого Совнарком 12 октя-

[25] СУ, 1921 г., № 36.
[26] Там же.
[27] «Бюллетень трудового фронта», 1921, № 9, стр. 3.
[28] «Вопросы труда», 1924, № 3, стр. 37.
[29] «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах», 1917—1927, стр. 74.
[30] ЦГАОР, ф. 5466, оп. 4, д. 107, л. 20.
[31] СУ, 1921 г., № 72, стр. 591.

бря 1921 г. принял постановление о прекращении трудовых мобилизаций [32]. В декабре того же года Совет Труда и Обороны постановил расформировать трудовые части. В апреле 1922 г. Центральный отдел распределения рабочей силы Наркомтруда был переименован в отдел рынка труда, а местные подотделы распределения — в биржи труда, призванные вести учет и регистрацию безработных и снабжать предприятия рабочей силой.

Пополнение рядов рабочего класса в восстановительный период происходило в основном стихийно. Подъем промышленности, транспорта, строительство предприятий коммунального хозяйства и в связи с этим улучшение материального положения рабочих масс привлекали в город многочисленные группы рабочих, крестьян, кустарей, служащих и т. д., стремившихся получить работу. Возвращались из Красной Армии демобилизованные воины, бывшие фабрично-заводские рабочие. Возвращались рабочие из деревни, вызванные с места своей временной работы отделами труда, заводоуправлениями, фабрично-заводскими комитетами и ячейками РКП(б). Происходил процесс собирания фабрично-заводских рабочих, покинувших по тем или иным причинам производство в годы войны. Термин «собирание» здесь вполне правомочен, так как в то время происходило действительно собирание распылившихся по разным районам страны и различным отраслям народного хозяйства квалифицированных рабочих.

Основная масса рабочих, покинувших производство в годы войны, вернулась на фабрики и заводы в восстановительный период.

Для изучения процесса собирания рабочего класса весьма ценные сведения дала выборочная перепись текстильщиков, горняков и металлистов, проведенная ВЦСПС в 1929 г. Известный статистик А. Г. Рашин на основании предварительной разработки материалов переписи пришел к выводу, что «в первые годы восстановительного периода пополнение состава фабрично-заводских рабочих в значительной степени происходило за счет группы рабочих, временно оставивших производство» [33]. Этот вывод соответствует действительности. Указанная выше перепись установила, что в составе переписанных отрядов рабочего класса имелась группа рабочих, порвавшая связь с производством на длительное время (не менее чем на два года) и впоследствии — в течение 1922—1929 гг.— вновь вовлеченная в промышленное производство. Эта группа рабочих в учтенных отраслях производства в среднем составляла 17—18% общего числа занятых в 1929 г. рабочих. Более значительных размеров эта группа достигала в хлопчатобумажной промышленности Ленинграда (27,5%) и Ивановской области (25,2%) [34]. В уральской металлургии эта группа составляла лишь 7—5%, в каменноугольной промышленности — 5—6% [35].

Подавляющая часть рабочих, порывавших связи с промышленностью, возобновила работу в течение 1922—1925 гг. В хлопчатобумажной промышленности почти 90% этой группы вновь вернулись на производство в восстановительный период [36]. Значительная часть рабочих тяжелой промышленности вновь приступила к работе в 1926—1929 гг.

Среди возобновивших работу преобладали кадровые рабочие, поступившие на производство до 1913 г. В общем составе возобновивших работу перепись учла таких рабочих до 70% [37].

Была среди возобновивших работу часть рабочих, поступивших впервые на производство в годы первой мировой войны.

[32] «Бюллетень трудового фронта», 1921, № 25, стр. 1.
[33] А. Г. Рашин. Указ. соч., стр. 9.
[34] Там же, стр. 9—10.
[35] Там же, стр. 10.
[36] Там же.
[37] Там же, стр. 11.

Перепись установила также причины длительного отрыва рабочих от промышленного производства. Среди металлистов в возрасте до 39 лет основной причиной отрыва являлось участие в гражданской войне, в возрасте 40 лет и старше — участие в сельском хозяйстве и работа по найму в других отраслях народного хозяйства [38]. Примерно 50% рабочих с продолжительным отрывом от производства в ленинградской и московской металлопромышленности и в уральской металлургии в период отрыва были заняты в сельском хозяйстве.

Среди хлопчатобумажников, надолго оторвавшихся от производства, участников гражданской войны было меньше, чем среди металлистов. Это объяснялось тем, что металлисты являлись наиболее политически сознательным и закаленным в классовой борьбе отрядом рабочего класса.

Основными причинами отрыва от промышленного производства у текстильщиков старших возрастов (40 лет и старше), так же как и у металлистов этого возраста, были уход в деревню и работа в других отраслях народного хозяйства.

Обычно принято считать, что пополнение рядов рабочего класса в восстановительный период происходило лишь за счет собирания распылившихся кадров. В действительности это не совсем так.

Одновременно с процессом собирания старых кадров рабочего класса происходил приток новых рабочих. Уже в 1922 г. среди городских безработных имелись группы лиц, впервые искавших работу в промышленности. Приток новых рабочих увеличивался с каждым годом. В больших городах скоплялись огромные массы людей, желавших работать на фабриках и заводах.

Все лица, стремившиеся найти работу, вставали на учет биржи труда и считались временно безработными. Биржа труда поочередно направляла их в те предприятия, которые, нуждаясь в рабочей силе, присылали на биржу свои требования. В первую очередь на производство направлялись рабочие, демобилизованные из армии, во вторую — квалифицированные рабочие с большим производственным стажем. В последнюю очередь на работу обычно посылались безработные, никогда ранее не участвовавшие в фабрично-заводском производстве.

Часть рабочих нанималась на работу в частные предприятия. Известно, что в восстановительный период некоторая, сравнительно небольшая часть промышленных предприятий принадлежала капиталистам. В основе развития таких предприятий лежал закон прибавочной стоимости. Предприниматели покупали рабочую силу как товар и с известными ограничениями эксплуатировали ее. Подобных предприятий и занятых в них рабочих было не так много. В 1925/26 г. из 2678 тыс. рабочих и служащих, занятых в крупной промышленности СССР, на долю капиталистического сектора приходилось всего лишь 67,2 тыс. работников, или 2,5% к общему числу рабочих и служащих крупной советской промышленности [39]. Эксплуататорские аппетиты частных предпринимателей ограничивались законами советской власти. За нарушение Кодекса законов о труде частники привлекались к судебной ответственности и сурово наказывались.

Безработица в Советском Союзе была временной, связанной с наличием в стране хозяйственной разрухи и существованием относительного аграрного перенаселения в деревне, выталкивавшего в город излишнюю рабочую силу.

Одна из характерных черт безработицы в СССР заключалась в том, что рост ее происходил на фоне подъема всего народного хозяйства и по-

---

[38] А. Г. Рашин. Указ. соч., стр. 12.
[39] «Труд в СССР», статист. справочник. М., 1936. стр. 24.

вышения материального благосостояния и культурного уровня трудящихся масс, на фоне быстрого увеличения численности рабочих и служащих, занятых в промышленности, на транспорте и в других отраслях народного хозяйства. Однако нельзя недооценивать трудности, вытекавшие из наличия безработицы: число безработных быстро росло. На 1 января 1922 г. на учете бирж труда СССР числилось более 160 тыс. безработных, на 1 января 1923 г.— 641 тыс., а на 1 января 1924 г.— 1240 тыс.[40] Некоторой части трудящихся, попавшей в ряды безработных, угрожала перспектива деклассирования и распыления. Для предупреждения этой угрозы Советское государство вынуждено было тратить на борьбу с безработицей известную часть национального дохода.

Большой интерес представляет анализ профессионального состава городских безработных. Из общего числа безработных в СССР в январе 1925 г. индустриальная группа составляла 24,5%, строители — 6,5%, работники транспорта и связи — 7%, работники интеллектуального труда — 30,7%, чернорабочие — 22,6%. Увеличение общего количества безработных в СССР с января по сентябрь 1925 г. шло исключительно за счет чернорабочих, удельный вес которых в сентябре 1925 г. составлял 44,8%. Все остальные группы безработных в это время сократились, за исключением текстильщиков, численность которых оставалась стабильной[41]. Значительное увеличение среди безработных групп чернорабочих происходило прежде всего за счет пополнений из деревни. На 1 июля 1924 г. в общем числе городских безработных отходники, т. е. безработные из деревни, составляли 25—30%; по Москве и Ленинграду их было больше[42]. Таким образом, выходцы из деревни среди безработных составляли довольно значительную прослойку. Этот факт неоднократно отмечался в партийных и советских документах. «Основным источником, откуда пополняются кадры безработных,— отмечала XV Всесоюзная конференция ВКП(б),— является деревня, выбрасывающая в город излишнюю в сельском хозяйстве рабочую силу»[43].

Развитие советской деревни в восстановительный период представляло сложную картину. Господствующей хозяйственной силой в деревне было единоличное крестьянское хозяйство, являвшееся по своей природе, однотипным с буржуазным хозяйством. После перехода к нэпу в деревне наметился хозяйственный подъем, усилилась дифференциация крестьянства.

Середняк оставался центральной фигурой земледелия. Более того, группа середняков продолжала увеличиваться. Количество же бедноты в деревне сокращалось. В восстановительный период уменьшилось число крестьянских хозяйств без посева, без скота. Одновременно происходили рост кулачества, а также пролетаризация некоторой части бедноты.

Страшным бичом трудового, особенно бедняцкого, крестьянства в восстановительный период являлось относительное аграрное перенаселение, унаследованное Советским государством от дореволюционной России.

«Беда наша не в том, что у нас много народу рождается, или что у нас излишек людей в Союзе ССР,— говорил В. В. Куйбышев на IV Всесоюзном съезде Советов,— беда в том, что на нас тяготеет еще проклятое наследие политики царизма, державшего миллионные массы на недопустимом уровне благосостояния и тормозившего этим самым переход сельского хозяйства к интенсивным формам развития. Наша бедность, наша ни-

---

[40] «Наемный труд в России и на Западе, 1913—1925 гг.», под ред. С. Г. Струмилина, ч. 1. Наемный труд в России, М., 1927, стр. 128—129.

[41] «Труд в СССР», статист. справочник за 1924—1925 гг. М., 1926, стр. 48.

[42] ЦГАОР, ф. 5466, оп. 7, д. 175, л. 37. Докладная записка НК РКП по вопросу о притоке рабочей силы из деревни в город.

[43] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр 191.

щета, трехполка и деревянный плуг — вот что создает излишние рабочие руки в деревне, что обусловливает разрыв между уровнем города и деревни»[44].

В 1927/28 г. количество избыточного сельского населения, по самым скромным подсчетам, составляло 8490 тыс. человек. Таково было число людей, труд которых в условиях господства единоличного крестьянского хозяйства не находил себе полного применения в сельском хозяйстве[45].

Аграрное перенаселение являлось основной причиной отлива земледельческого населения в город в восстановительный период. До этого времени избыток рабочих рук в деревне ощущался не так сильно, так как значительная часть трудящихся крестьян, особенно деревенской бедноты, находилась в Красной Армии. Лишь с 1922 г., в связи с возвращением демобилизованных красноармейцев, в деревне остро почувствовалась скрытая безработица и возобновился отход сельского населения на заработки.

Отход рабочих из сельской местности в город происходил по двум направлениям. Одна часть крестьян полностью порывала с деревней и навсегда оставляла насиженные места, другая часть покидала деревню временно, уходила на летние промыслы.

Большую роль в росте отходничества сыграло развитие товарно-денежных отношений, в частности замена натурального налога денежным. Нужно полагать, что в связи с развитием денежного обращения в отход двинулась не только беднота, но и некоторая часть среднего и даже зажиточного крестьянства. В 1923/24 г. в СССР насчитывалось 1672,5 тыс. отходников, в 1924/25 г. число их возросло до 2867,8 тыс., а в 1925/26 г.— до 3285,2 тыс. человек[46]. Максимальный процент отхода давал Центрально-промышленный район. В 1923/24 г. из него вышло 32,4%, а в 1924/25 г.— 32,8% общего числа отходников. Центрально-черноземный район в 1923/24 г. выделил 5,7% общего количества отходников, в 1924/1925 г.— 11%. В абсолютном выражении за эти два года число отходников в Центрально-черноземном районе увеличилось более чем в три раза (94,5 тыс. в 1923/24 г. и 315,6 тыс. в 1924/25 г.). Из национальных республик следует указать Украину, где число отходников в 1923/24 г. составляло 148,7 тыс., в 1924/25—379,8 тыс., в 1925/26 г.—474,9 тыс. человек[47].

По сравнению с дореволюционным временем численность отходников сократилась. Причины этого коренились в аграрной революции (многие крестьяне, получив землю, перестали ходить на промыслы), а также в уменьшении спроса на рабочую силу вследствие сокращения производства в промышленности и ликвидации крупных помещичьих имений.

Значительная часть отходников (в 1923/24 г.— 215,4 тыс., а в 1924/25 г.— 615 тыс.) уходила на сельскохозяйственные промыслы. Эту группу составляли сельскохозяйственные рабочие, в частности рабочие свеклосахарных плантаций, пастухи.

Большую роль отходники играли в развитии неземледельческих отраслей народного хозяйства. В период завершения восстановления промышленности и развертывания социалистической индустриализации страны, с каждым годом промышленность требовала все больше и больше рабочих.

В 1925/26 г. деревня послала в отход 746,5 тыс. чернорабочих, 557,1 тыс. строителей. В последней группе были плотники, каменщики, кровельщики,

---

[44] В. Куйбышев. Промышленность СССР. М.—Л., 1927, стр. 78.

[45] Журнал «Власть Советов», № 18—19, 12 мая 1929 г., стр. 7.

[46] «Отход сельского населения на заработки в СССР в 1925/26 г.», М., 1926, стр. 9.

[47] Л. Е. Минц. Аграрное перенаселение и рынок труда в СССР. М.—Л., 1929, стр. 292—295.

маляры, печники, землекопы, штукатуры, мостовщики, стекольщики и представители многих других профессий.

Важное место в отходе занимала группа фабрично-заводских и ремесленных рабочих, которая в 1923/24 г. насчитывала 164 тыс., а в 1925/26 г.— 398,1 тыс. человек. Здесь были металлисты, текстильщики, кожевники, деревообделочники, печатники и т. д.

Среди отходников было немало горнорабочих и торфяников, железнодорожников и водников, грузчиков и рыбников. Всего в неземледельческих промыслах в 1923/24 г. было занято 1457,1 тыс., в 1925/26 г.— 2929,9 тыс. отходников [48]. Это была большая армия, активно участвовавшая в восстановлении и дальнейшем развитии народного хозяйства, являвшаяся «непосредственным связующим звеном между городом и деревней» [49].

Существенный интерес представляет вопрос о зависимости отходничества от классового расслоения в деревне. В местностях, имевших относительно меньшие размеры посевных площадей и меньшее количество скота, наблюдался относительно большой отход. Маломощные крестьянские хозяйства, естественно, давали наибольшее число отходников. Если принять посевную площадь местностей с отходом от 0 до 10 человек на 1000 сельского населения за 100, то в группе местностей с отходом от 10 до 20 человек на 1000 сельского населения посевная площадь составит лишь 87,6%, в местностях с отходом от 20 до 40 человек — 85% и в местностях свыше 40 отходников посевные площади составляли лишь 72,2% [50]. Примерно такая же зависимость получается при сопоставлении величины отхода на 1000 человек с количеством лошадей, свиней и т. д. В отход уезжали, конечно, не только бедняки, но и некоторые середняки и зажиточные крестьяне, стремившиеся путем заработков на стороне улучшить состояние своего хозяйства. Но в подавляющем большинстве отходники являлись выходцами из малоимущих слоев деревенского населения.

Отход начинался обычно весной, в марте. Все лето отходники работали в промышленности, на транспорте, в городском хозяйстве, на сельскохозяйственных промыслах и т. д. Осенью бóльшая часть отходников возвращалась в деревню. Многообразны были пути, по которым двигались отходники. В Северо-западном районе и на Северном Кавказе отходники направлялись преимущественно в губернии своего района и очень редко выходили за его пределы. Отходники Северо-восточного района также обычно находили работу в своем районе. Но часть их уходила на заработки в Ленинград, на Урал и в Центрально-промышленный район. Весь отход Юго-западного и Южно-горнопромышленного района (Украины, Крыма) концентрировался внутри своего района. Из района Средней Волги немало отходников расходилось по Европейской части СССР, а также по Уралу и Сибири. Западный район давал отход преимущественно в Москву, Ленинград и на юг, в Донецкую и Екатеринославскую губернии.

Из Вятско-Ветлужского района крестьяне уходили на Урал и в Сибирь. Множество отходников центрально-черноземных губерний отправлялось в Донбасс, Екатеринославскую и другие южные губернии, в Москву и на Северный Кавказ. Отходники Нижней Волги уходили на Кавказ, в Среднюю Азию, другие оставались внутри своего района.

Центрально-промышленный район давал значительный отход в пределах своих границ, а также в порубежные губернии Центрально-черноземного, Северо-западного и других районов. Часть отходников

---

[48] Л. Е. Минц. Аграрное перенаселение..., стр. 302—303.

[49] «Отчет ЦКК РКП(б) XIV съезду партии», М., 1925, стр. 17.

[50] Л. Е. Минц. Отход крестьянского населения на заработки в СССР. М., 1926, стр. 76.

Центрально-промышленного района устраивалась в Москве, Ленинграде, Московской и других центральных губерниях [51].

Более половины (59,2%) общей массы отходников работало в городе. Среди уходивших на внеземледельческие промыслы этот показатель составлял 64,6%, среди горнорабочих он поднимался еще выше — 74,3%, среди фабрично-заводских рабочих — 81,2%, среди строителей — 89% [52]. В промышленных центрах скоплялось много отходников. В данной статье нет возможности проследить это интересное явление подробно. Ограничимся поэтому лишь несколькими примерами. В 1924/25 г. в Москву и Московскую губернию прибыл из одного лишь Центрально-промышленного района 80 631 строитель. Кроме того, сюда же приехали 11 654 строительных рабочих из других районов [53]. В Ленинград и Ленинградскую губернию в том же году прибыло 25 219 строителей. Большое число строительных рабочих-отходников собиралось также в промышленных центрах других районов страны. Аналогичное положение было с отходом чернорабочих. В Москву и Московскую губернию в 1924/25 г. их прибыло 138 409 человек, в Ленинград и Ленинградскую губернию — 73 049 человек [54].

Из деревенских отходников формировались новые кадры промышленных рабочих. В течение многих десятилетий среди сельского населения сложилась прочная традиция отходничества. Из года в год крестьяне-отходники специализировались в определенной отрасли труда. Из поколения в поколение они передавали своим детям накопленные ими трудовые навыки и связи с определенными промышленными центрами. Со временем среди отходников различных районов установилась четкая специализация. Так, например, торфяники приходили главным образом из Рязанской губернии. Наибольшее число строителей поставляли Владимирская, Рязанская, Тверская, Костромская и Московская губернии; во Владимирской губернии были села, сплошь состоявшие из отходников-строителей. Вот, например, что писал знатный каменщик Москвы Ф. Парилов в своей брошюре «Сорок лет на стройке Москвы»: «Село Борисовское, где я родился, находится километров за восемнадцать от города Владимира. Места эти исстари славятся мастерами строительного дела. Почти каждый мужчина в Борисовском был каменщиком. То же и в Порецком, Павловском. Знатные московские каменщики Петр Семенович Орлов, Николай Ефимович Ольшанов — выходцы из Порецкого. Соседние села — Добрынинское, Ославское, Боголюбово — знамениты были малярами, Сущево и Красное — штукатурами» [55].

Только что цитированное место из брошюры Парилова относится к дореволюционному времени. Но и при советской власти, в эпоху строительства социализма отмеченные губернии являлись неисчерпаемым источником искусных мастеров строительного дела.

В 1924 г. Владимирская губерния дала 89 809 отходников, в том числе 23 513 (30%) строителей, 22 302 промышленных рабочих (28,5%), 12 018 работников земли и леса (15,3%). Значительный процент в общем отходе Владимирской губернии составляли транспортники, служащие и т. д. [56].

Среди строителей Владимирской губернии 40,8% было плотников. Каменщики составляли 16,9%, маляры — 16,2%, штукатуры — 8,1%. Затем шли кровельщики, землекопы, столяры, печники и т. д.

[51] Л. Е. Минц. Аграрное перенаселение..., стр. 325—326.
[52] Там же, стр. 324.
[53] Там же, стр. 328.
[54] Там же, стр. 331.
[55] Ф. Парилов. Сорок лет на стройках Москвы. М., 1950, стр. 6.
[56] Н. А. Васильев. Отхожие промыслы сельского населения 1924 г.— «Наше хозяйство», 1926, № 1 (орган Владимирского окр. исполкома).

Села, о которых писал Парилов, не являлись исключением. Таких сел, которые поставляли строительных рабочих для крупных городов СССР, было много и в Костромской и Нижегородской и других губерниях Центрально-промышленного района.

Тысячи и десятки тысяч крестьян-отходников постепенно становились промышленными рабочими. Нити, связывавшие их с деревней, становились все менее прочными, наоборот, их связи с промышленностью, с городом все более укреплялись. В их повседневной жизни, в привычках и психологии больше было городского, чем деревенского. Однако они находились еще в двойственном положении. Это были полурабочие-полукрестьяне.

Значительную часть года отходники находились на заработках вне своей деревни. В 1924/25 г. отход текстильщиков продолжался 8,2 месяца, горнорабочих — 7,7 месяца, металлистов — 7 месяцев, пищевиков — 6,7 месяца и т. д.[57] Некоторые отходники уходили из деревни на целый год. В 1924/25 г. количество таких отходников по СССР составляло 5,49%. В Центрально-промышленном районе этот процент поднимался, до 7,74%, на Украине — до 7,37%, среди фабрично-заводских рабочих в целом по СССР — до 18,04%, а по Украине — до 24,84%[58]. Такие отходники фактически переставали быть отходниками и превращались в городских жителей, в рабочих неземледельческих отраслей народного хозяйства. Сравнение данных переписей 1923 и 1926 гг. показывает, что в городах ежегодно оседало около 1 млн. человек, прибывших из сельских местностей.

Восстановительный период в СССР, сопровождавшийся подъемом всех отраслей индустрии, ознаменовался быстрым ростом городского населения. После окончания гражданской войны в города стали возвращаться демобилизованные красноармейцы и жители, покинувшие их в годы войны. С каждым годом увеличивался приток земледельческого населения. Благодаря подъему народного хозяйства и улучшению материального положения трудящихся увеличился естественный прирост городского населения. Особенно быстро росло население таких крупных промышленных центров, как Москва, Ленинград, Баку, Иваново-Вознесенск, Нижний Новгород и др.

В 1897 г. в России городов с населением в 100 и более тысяч человек было 14, в них насчитывалось 4213 тыс. жителей, или 27% всего городского населения. К 1923 г. число таких городов увеличилось до 21, а количество населения в них — до 6319 тыс. (29,3%). В 1926 г. в СССР крупных городов с населением в 100 и более тысяч имелось уже 31 с числом жителей 9257 тыс., или 35,2% от общего населения городов. В 1931 г. таких городов было уже 46, а население в них возросло до 14 427 тыс., или до 45,1% всего городского населения страны.

Ежегодный прирост городского населения в нашей стране за 1897—1907 гг. составлял 2,65%, в 1920—1923 гг. — 3,7%, в 1923—1926 гг.— 5,8%, в 1926—1931 гг.—6,4%[59]. Ни в одной другой стране не было таких высоких темпов роста населения городов, что означало рост индустриального населения.

Важнейшим источником этого бурного роста населения советских городов, как мы видели, являлась деревня. Миллионы крестьян в эти годы переселились в промышленные центры, влились в ряды рабочего класса и советской интеллигенции.

Однако из этого не следует, что новые кадры промышленных рабочих формировались только из сельских жителей. С течением времени по мере

[57] Л. Е. Минц. Аграрное перенаселение..., стр. 321.

[58] Там же, стр. 320.

[59] М. Авдиенко. Сдвиги в структуре пролетариата в первой пятилетке.— «Плановое хозяйство», 1932, № 6—7, стр. 146.

развития промышленности и роста пролетариата в пополнении его рядов начинают играть все бо́льшую роль дети рабочих. К концу восстановительного периода на заводах и фабриках СССР немало работало людей, отцы и деды которых были также рабочими. Это были представители славного рода пролетариев, потомственные кадровые рабочие. Профсоюзная перепись 1929 г. засвидетельствовала такой важный факт, что более 50% всех рабочих к этому времени являлись детьми рабочих, среди металлистов этот процент поднимался до 56,8%, в уральской металлургии — до 70%. Намного ниже этот процент был среди горняков Донбасса — 33,8%. Несмотря на большую убыль рабочих в годы империалистической и гражданской войн, удельный вес кадровых рабочих был еще достаточно велик. Без этих кадров коммунистической партии было бы трудно осуществить ленинский план построения социализма.

В группе рабочих, вступивших в производство в восстановительный период, дети рабочих составляли значительный процент. По данным профсоюзной переписи 1929 г., среди работников хлопчатобумажной промышленности Ленинграда, вступивших в производство в 1922—1925 гг., дети рабочих составляли 65,4%. В Москве аналогичный показатель выразился в цифре 58,4%, в Московской области — 61,4%, в Ивановской — 61,6% [60]. Детей крестьян среди новых пополнений текстильщиков в эти же годы было в Ленинграде — 25,2%, в Москве — 35%, в Московской области — 29,9%, в Ивановской — 33,2%.

Таким образом, в восстановительный период основным источником пополнения рядов рабочих хлопчатобумажной промышленности служил сам рабочий класс.

Однако нельзя отрицать, что и удельный вес крестьян среди нового притока рабочих в хлопчатобумажное производство был значительным.

Аналогичную картину перепись 1929 г. дала в отношении металлистов. В новых пополнениях рабочих для металлообрабатывающей промышленности и машиностроения Ленинграда дети рабочих составляли 55,1%, в УССР — 61,5%. Меньший удельный вес — всего 39,1% — составляли дети рабочих в пополнениях для металлургии УССР [61].

Крестьяне среди новых пополнений металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности Ленинграда в 1922—1925 гг. составляли 31,3%, в Московской губернии — 37,5%, в УССР — 25,1%, а в металлургии Урала — 37,2%, Украины — 55,2% [62].

Иной состав пополнения рабочих в 1922—1925 гг. был в горной промышленности. Здесь основным источником комплектования рабочих кадров было крестьянство. В каменноугольной промышленности Донецкого бассейна дети крестьян составляли 63,9%, а дети рабочих — лишь 33%. В каменноугольной промышленности Урала и Сибири детей крестьян было 60,1%, в составе новых пополнений нефтяной промышленности детей крестьян — 65,5%, а детей рабочих — только 30,6% [63]. Более половины рабочих, вступивших в 1918—1925 гг. в рудную промышленность, составляли также дети крестьян. Среди пополнений рядов постоянных рабочих-строителей Московской области и Ленинграда детей крестьян насчитывалось 60,9%, детей рабочих — лишь 31,5%. Как и следовало ожидать, наибольший удельный вес детей крестьян наблюдался среди отходников. Здесь выходцы из среды земледельцев составляли 92%, а из рабочего населения — только 7,4% [64].

---

[60] А. Г. Рашин. Указ. соч., стр. 19.
[61] Там же, стр. 21.
[62] Там же.
[63] Там же, стр. 22.
[64] «Труд в СССР», справочник 1926—1930 гг., под ред. Я. М. Бинемана, М., 1930, стр. 28—29.

В ряды рабочего класса вливались также представители служащих. Партия и правительство проводили линию на максимальное удешевление и рациональную организацию государственного аппарата, следствием чего явилось значительное сокращение штатов советских учреждений. Вполне понятно, что часть служащих, уволенных из государственного аппарата, устраивалась на заводы и фабрики. Перепись 1929 г. установила, что среди новых рабочих хлопчатобумажного производства в восстановительный период бывшие служащие составляли в Ленинграде 7,6%, в Москве — 5,5%, в Ивановской области — 3,5%. Среди новых пополнений металлистов в те годы бывшие служащие составляли в Ленинграде 10,4%, в Московской губернии — 8%, на Украине — 9,2%; в электропромышленности Москвы и Ленинграда — 11,2%.

Известный процент среди новых пополнений рабочего класса составляли также кустари, бывшие торговцы и выходцы из других слоев мелкой городской буржуазии.

Восстановление промышленности в основном было завершено к концу 1925 г. В результате принятых Советским государством мер по собиранию старых кадров рабочего класса, а также вследствие притока новых пополнений общая численность рабочих, занятых в крупной промышленности СССР, на 1 января 1926 г. достигла 2451,6 тыс. человек против 2700 тыс. на 1 января 1914 г., или 90,8% по сравнению с довоенным показателем. В некоторых отраслях промышленности численность рабочих превысила уровень 1914 г. В нефтяной промышленности, например, она составила 103% от уровня 1914 г., в каменноугольной — 106,7%, в химической — 121,8%, металлообрабатывающей и машиностроительной — 124,6%, в полиграфической — 153%, в торфяной — 200,6%. Но в отдельных производствах численность рабочих далеко отставала от уровня 1914 г. Так, например, в железорудной промышленности она достигла лишь 46,5%, в соляной — 41,5%, в обработке шелка — 22,2%. Численность рабочих хлопчатобумажной промышленности составила 99,5% от уровня 1914 г. [66]

Передовой республикой в промышленном отношении являлась Российская Федерация. Здесь имелись исторически сложившиеся старые промышленные центры. На территории РСФСР к 1 июля 1925 г. было занято 76,5% общего числа промышленных рабочих всего Союза [66].

В Москве насчитывалось 801 промышленное предприятие с количеством рабочих и служащих 187 594 человек. В Московской губернии действовали 394 фабрики и завода, в которых были заняты 286 133 человека. Москва и Московская губерния являлись главным центром формирования советского рабочего класса. Большую роль в создании промышленных кадров СССР играл Ленинград. Здесь имелись крупнейшие металлообрабатывающие предприятия. В Ленинграде было сосредоточено 393 завода и фабрики с числом работников 186 525 человек. Из других промышленных центров особо выделялась Иваново-Вознесенская губерния. В ней насчитывалось 132 133 рабочих и служащих. По количеству пролетариата Иваново-Вознесенск был третьим в РСФСР городом после Москвы и Ленинграда. Вслед за Иваново-Вознесенской важное значение в промышленном отношении имели Владимирская, Нижегородская, Тверская, Ярославская губернии. Из других промышленных районов РСФСР значительная роль в формировании рабочих кадров принадлежала Уральской области, в крупной промышленности которой трудились 159 778 человек. Из национальных республик в области развития промышленности выделялась Украина, насчитывавшая 401 499 рабочих и служащих, бо́льшая часть которых была занята в Донецком бассейне. Крупное промыш-

---

[65] «Наемный труд в России и на Западе, 1913—1925 гг.», стр. 101.
[66] «Вопросы труда», 1926, № 12, стр. 37.

ленное значение имел Азербайджан с его нефтяной и нефтеобрабатывающей промышленностью, на территории которого, главным образом в Баку, насчитывалось 52 854 рабочих и служащих. Что касается других национальных республик и областей, то они были слабо развитыми в индустриальном отношении районами. В крупной промышленности БССР работало всего 15 676 человек, в Армении, Грузии, Узбекистане и Туркмении и того меньше [67]. Расцвет фабрично-заводской промышленности этих республик был впереди.

Завершение восстановления народного хозяйства и усиление социалистических элементов в экономике страны расширяли сферу действия новой закономерности в развитии народонаселения. С каждым годом увеличивалось число работников, занятых в социалистической промышленности и других отраслях народного хозяйства. Происходил непрерывный рост доли трудящихся в национальном доходе, рост благосостояния и культуры советского народа. В результате улучшения питания и жилищных условий, сокращения рабочего дня против дореволюционного времени и проведения медико-санитарных мероприятий улучшилось состояние здоровья трудящихся, уменьшилась смертность, увеличились рождаемость и численный рост всего населения СССР.

Однако в восстановительный период производительные силы советского общества были развиты еще недостаточно, вследствие чего трудящиеся массы испытывали значительные материальные трудности. Партия и правительство принимали меры по борьбе с аграрным перенаселением в деревне и безработицей в городе. Они направляли развитие народного хозяйства по пути подъема и, поскольку позволяли объективные материальные условия, стремились вовлечь в производство наибольшее число трудящихся. XIV конференция РКП(б) (апрель 1925 г.) наметила ряд мероприятий, направленных на постепенное рассасывание избыточного населения. «Несмотря на быстрое развитие производительных сил города, а также и деревни,— говорилось в резолюции конференции «О кооперации»,— оно оказалось, однако, недостаточным для использования всего избыточного населения деревни. Поэтому необходимо найти производительное применение для значительных масс рабочих рук, имеющихся в деревне. Это может быть достигнуто интенсификацией сельского хозяйства, дальнейшим ростом промышленности, развитием кустарных и отхожих промыслов, облегчением условий применения наемного труда в сельском хозяйстве и краткосрочной арендой земли, а также организацией переселения и широкой производственной помощью маломощным крестьянским хозяйствам» [68].

Эту установку XIV конференции партия и правительство настойчиво проводили в жизнь. Но на этом они не останавливались. С окончанием восстановительного периода партия практически поставила вопрос об осуществлении социалистической индустриализации страны и коллективизации деревни. Только идя по этому пути, по пути социалистического преобразования всего народного хозяйства, можно было полностью и навсегда ликвидировать безработицу в городе и деревне, обеспечить всеобщую занятость населения.

* * *

Сказанное выше позволяет сделать следующие выводы.

Вопрос об источниках пополнения рядов промышленных рабочих составляет важную часть общей проблемы роста и формирования советского рабочего класса.

---

[67] «Труд в СССР», статист. справочник за 1924—1925 гг., стр. 1—3.
[68] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 26—27.

Одной из важнейших задач, вставших перед Советской властью после перехода к нэпу, являлось собирание и укрепление рядов рабочего класса. Без разрешения этой задачи нельзя было и думать о победоносном социалистическом строительстве. «Собирание» рабочих кадров происходило главным образом за счет двух источников. На фабрики и заводы возвращались рабочие, принимавшие участие в освободительной войне против интервентов и белогвардейцев. Другим источником собирания рабочего класса являлось возвращение в промышленность тех рабочих, которые в годы войны переселились в деревню и работали в сельском хозяйстве или временно были кустарями.

Возвращение в промышленность кадровых рабочих имело решающее значение для укрепления руководящей роли рабочего класса по отношению к трудовому крестьянству, для упрочения классовой базы Советского государства.

Одновременно с собиранием распылившихся во время войны старых кадровых рабочих происходило пополнение рабочего класса новыми рабочими. Уже в 1922 г. в промышленные центры начался приток рабочих, ранее не участвовавших в промышленном производстве.

По данным профсоюзной переписи 1929 г., преимущественным источником новых пополнений рабочих хлопчатобумажной, металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности в восстановительный период являлись пролетарские элементы (жены и дети рабочих). Наоборот, ряды рабочих каменноугольной, нефтяной и рудной промышленности пополнялись прежде всего выходцами из крестьянства. К концу восстановительного периода деревня стала основным источником пополнения рабочего класса и роста городского населения. «Закон роста индустриального населения за счет земледельческого», открытый Марксом и всесторонне обоснованный Лениным, сохранял свое действие и в советском обществе. Однако действие этого закона определялось не условиями эксплуатации, а новыми, дружественными взаимоотношениями рабочего класса и трудового крестьянства.

Если при капитализме рост пролетариата происходит за счет обнищания и разорения основных масс крестьянства, то в условиях советского общества рабочий класс растет и развивается при одновременном подъеме благосостояния крестьянских масс. В советском обществе город превратился в руководителя деревни, стал вдохновителем и организатором ее хозяйственного и культурного подъема.

Организуя строительство социализма, партия и правительство ставили как одну из важнейших задач переходного периода ликвидацию в Советской стране безработицы и аграрного перенаселения, максимальное повышение жизненного уровня трудящихся, осуществление всеобщей занятости населения. Эта задача в основном была решена уже в годы первой пятилетки.

Развитие и укрепление социалистического способа производства исключает существование безработицы и нищеты. Каждый трудоспособный гражданин Советского Союза, рабочий, крестьянин, интеллигент имеют право на труд. Это право торжественно гарантировано Советской Конституцией.